

«У АКТЕРА НЕТ КАРЬЕРЫ...»

ЧЕГО мы ждем от актера? Не только проникновения в сложный душевный мир героя. Мы желаем, чтобы актер будоражил нашу душу, совесть, чтобы он воспламенял нашу мысль, чтобы его одержимость передавалась нам. Этими ценными для артиста качествами в полной мере обладает известный актер театра и кино Лев Дуров. Кого бы он ни играл — коварного Яго или наивного циркача, доброго, всепронимающего (хотя внешне покорного) мужа «мамы Ануш», несчастного Рафинада или изощренного провокатора Клауса — везде он не только яркое зрелище, но пробуждает либо чувства добрые, либо ненависть. И делает это высокоталанливо, остро и... непредсказуемо. Тех, кто хоть раз видел Дурова в жизни, изумляет его естественность (абсолютное отсутствие «пижонства», как он любит говорить). Он стремителен, неукротим. Из него всегда вулканирует энергия. Из него всегда ключом бьет жажда общения с людьми.

С народным артистом РСФСР Львом Дуровым, снимавшимся в фильме «Бемби» в Крыму, беседует наш корреспондент.

— Кто-то из писателей сравнил самочувствие киноактера на съемочной площадке с ощущением поджариваемого грешника в аду. Согласны ли вы с этим утверждением?

— Нет, конечно. Для меня — это привычная среда обитания. Как рабочее место в шумном цехе для токаря. Как напряженная тишина операционной для хирурга. Как толчея у прилавка для продавца. Это — труд. Мучительный. Но необходимый не только для тебя. «Сладкой жизни» у нас, актеров, не бывает. Наша жизнь — труд. Труд, доставляющий радость...

— ...и успех?

— Успех у зрителей не всегда является свидетельством ценности фильма. Не всегда фильм — подлинное произведение искусства. Порой зрители валом валят на картину, которая заслуживает лишь проницкого отношения. И содержание ленты — мелко-масштабно, и поставлена она стандартно. И в то же время при показе киношедевра зритель покидает зал. Необычное, новое вначале трудно воспринимается.

— Давайте продолжим разговор о «соблазнах». Обычно вас, актеров, выбирают на роль в кино. Отказывались ли вы от предлагаемых ролей?

— Отказывался. И много раз. Но не из-за объема роли. Эпизодическая роль иногда оказывается ярче главной. Сказать прописную истину неинтересно: разочаруешь и зрителя, и себя.

— Лев Константинович, как вы (не только как актер, но и как режиссер) относитесь к «осовремениванию» некоторых пьес классиков?

— Слова «осовременивание» не понимаю. Это — бессмыслица! Классика всегда созвучна всем временам. Без эксперимента не могут существовать ни наука, ни искусство. Вся профессия режиссера состоит из экспериментов.

— Но стоит ли ставить эксперимент над зрителем?

— Безусловно. Умный зритель (а именно для такого — современного зрителя — мы играем) разберется, где глупая подделка, а где по-новому раскрыто содержание знакомого всем произведения. Конечно, играть пьесы Островского в джинсах — еще не означает идти в ногу со временем! Английские актеры играли «Ричарда III» в кожаных пальто, но это не было новацией ради новации. Зрители в зале плакали и смеялись, вероятно так же, как в шекспировском «Глобусе». Дело не в костюме, а в игре.

— В недавно опубликованном интервью один из интереснейших советских актеров Михаил Глузский, предостерегая киноактеров от всеядности, сказал, что самое трудное для актера — сохранить себя. Как вы относитесь к этому заявлению?

— Думаю, что сохранить себя — означает не «растираться». Быть верным себе, но не эксплуатировать уже найденное. Но от всеядности надо отличать жажду работы. Я привык жить чрезвычайно интенсивно, жить сотнями жизней своих героев.

— Ряд крупных советских писателей (В. Каверин, В. Катаев) резко изменили манеру своего письма. Меняете ли вы прежнюю манеру игры?

— Обязательно. Необходимы резкие художественные повороты. Зигзаги. Нельзя жить приобретенным! Творчество — всегда поиск...

— ...и риск?

— Вероятно. К сожалению, не всегда получается, как хотелось бы. После «Дороги» (инсценировка «Мертвых душ»), где я играю Ноздрева, один из критиков писал, что Дуров отбросил все старое, но к новому не пришел. Обидно, но справедливо. Мне удалось найти для Ноздрева гротескные краски, но я не смог най-

ти трагедийных. А ведь Ноздрев — фигура не только комическая: он «профукивает» наибольшую ценность — свою жизнь. Все равно, что использовать синхрофазотрон в роли вентилятора.

— Сколько часов в день вы тратите на актерскую игру?

— Часов 28 в сутки. Актер — профессия неотступная. Даже ночью сияют решения... Спектакль должен рождаться мучительно. Если все идет гладко, роль получается средней.

— Были ли у вас неудавшиеся роли?

— Пожалуй, об этом лучше спросить критиков. Мы, актеры, не настолько самокритичны. Но, если говорить серьезно, скорее были «дежурные работы», когда ничего не открывалось. То, что у нас называется «позор семьи».

— Во многих интервью с актерами стала традиционной просьба вспомнить какой-нибудь комический эпизод. Не припомните ли вы такой?

— Смотря что считать комическим. Во время недавних съемок фильма «Зачем человеку крылья» мы с Глузским, игравшим роль генерала, сидели в окопе, серьезно разговаривали о кино, театре. Вдруг Глузский как-то странно подпрыгнул, начал отплевываться, издавать какие-то странные звуки. Явно не по сценарию. И затем тоном ученого-экспериментатора произнес: «В нижнюю губу укусила оса. Вот увидите, что будет». И на наших глазах его губа повисла баглажом... Со стороны — смешно. Все уходило отсменываться в сторону. Не выдержал и я. И со словами: «Губастик мой, я сейчас приду...», — ринулся вслед за другими. Глузский, не потерявший чувства юмора даже в такой ситуации, в мою спину произнес: «Вам смешно, а у меня драма...»

Действительно, последний день съемок, пора сворачиваться и уезжать, а всего полчаса отснято. Проклятая оса!.. Пришлось врыть кулак в щеку, замаскировать «ранение» и эпизод доснять. Сцена получилась хорошей, несмотря на врага, вырвавшегося из осинового гнезда.

— Лев Константинович, этот сентябрь у вас юбилейный: исполняется 30 лет вашей работы в театре и кино. Чего бы вы сами хотели себе пожелать?

— Неуспокоенности! «У актера нет карьеры, у актера есть судьба...»

Беседу вел
Д. НЕМИРОВСКИЙ.